

КТО И КАК ДОЛЖЕН ОЦЕНИВАТЬ КАЧЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

14 октября Комитет Государственной Думы по образованию провел слушания по теме «Инструменты оценки эффективности и качества профессионального образования: состояние и перспективы совершенствования нормативного обеспечения». Ниже публикуется сокращенный текст стенограммы.

В.А. НИКОНОВ, председатель Комитета Государственной Думы по образованию:

— Сегодняшний обмен мнениями, я считаю, исключительно важен для развития системы, прежде всего, высшего образования. В современном мире будущее нации в значи-

тельной степени определяется ее интеллектуальным потенциалом, а этот потенциал куется в системе профессионального образования.

Те оценки, которые даются в отношении нашей высшей школы, достаточно высоки, как бы мы, например, ни относились к факту утечки мозгов. Уже сам этот факт является признанием того, что российское вузовское образование вполне конкурентоспособно на мировом интеллектуальном рынке, а образовательная система конвертируемая.

Также бесспорно, что все или почти все болезненные вопросы, связанные с образованием, так или иначе касаются его качества.

Это проблема мониторинга эффективности высших учебных заведений, которые дали весьма спорные результаты и вызвали массу кривотолков.

Эту наличие большого количества вузов, которые журналисты политически некорректно называют «вузами-прокладками», которые не то что учат, но, скорее, предлагают дипломы, причем, не собственные дипломы, а дипломы чужих вузов.

Это игры с международными рейтингами, в которые мы правильно и неправильно уже включились и которые часто не придают нам чувство оптимизма.

Это косвенно и диссертационные скандалы, коль скоро аспирантура стала образовательным уровнем, с которым связано и качество диссертаций.

Это и проблема Единого госэкзамена, насколько он обеспечивает и объективную оценку качества знаний выпускников и недискриминационное поступление в вузы.

Это вопросы содержания образования, вопрос ценностных ориентаций.

Стоит ли удивляться, что на фоне вот такой информации о проблемах российского образования общество явно не удовлетворено качеством.

В сентябре 2013 года «Левада-центр» проводил опрос общественного мнения, и, в частности, задавались такие вопросы:

Как вы считаете, можете ли вы, ваши дети, внуки при необходимости получить сейчас хорошее образование? «Определенно да» ответили только 4% наших сограждан, «Скорее да» — 29%, «Скорее нет» — 39%, «Определенно нет» — 18%.

Филials негосударственных вузов:

90% — заочная форма обучения.

Цифры говорят сами за себя.

Общий вопрос. Удовлетворены ли вы системой образования в России? «Определенно да» — 3%, «Скорее да» — 18%, «Скорее нет» — 46%, «Определенно нет» — 26%.

Вопрос о динамике. Как вам кажется, как изменилось за последние годы в России качество работы в системе образования? Варианты ответов: «Значительно улучшилось» — 1%, «Несколько улучшилось» — 8%, «Не изменилось» — 41%, «Несколько ухудшилось» — 27%, «Значительно ухудшилось» — 10%.

Во вступительном слове, естественно, много не скажешь. Я обратил бы внимание на два вопроса, которые мне представляются важными. Первый

вопрос более общий — кто и как должен оценивать качество профессионального образования. И второй вопрос более частный — это проблема мониторинга эффективности вузов.

В России отсутствует национальный регистр организаций, который проводит профессионально-общественную аккредитацию.

Так исторически сложилось, что в нашей стране оценка качества образования связана, в первую очередь, с государственной аккредитацией, а процедура государственной аккредитации приобрела контрольно-надзорный характер. Вообще, это довольно уникальная для мировой практики система. Обычно государство не занимается в таком объеме оценкой и ранжированием качества образования и не выносит суждение о том, каков уровень подготовки специалиста, каковы результаты обучения. Этим обычно занимаются специализированные экспертные организации, которые пользуются доверием и профессионального сообщества, и государства.

В нашей системе перевес в сторону государственных мер контроля очевиден. Но если мы посмотрим, скажем, европейскую практику, мировую практику, это далеко не так. Эту функцию осуществляет, например, международная сеть агентств, гарантирующих качество высшего образования, International Network for Quality Assurance Agencies in Higher Education.

Что касается Российской Федерации, то формируется небольшая система организаций, которые в этой области трудятся. Это агентство по контролю и качеству образования и развития карьеры АККОР, это различные экспертные организации, которые создаются при компаниях работодателей. В частности, профессиональную общественную аккредитацию проводит союз машиностроителей России, общественные организации малого и среднего предпринимательства, ОПОРА России, федерация рестораторов и отельеров России, маркетологов, ассоциация менеджеров, ассоциация юристов России, аккредитационный центр ассоциации инженерного образования России, вольное экономическое общество. Это очень правильная практика, которая позволяет контролировать качество с точки зрения работодателей и профессионального сообщества.

Но на сегодняшний день в России отсутствует национальный регистр организаций, который проводит профессионально-общественную аккредитацию. Нам представляется, что общероссийская система оценки качества образования должна формироваться как многофункциональная и включать в себя процедуры государственной регламентации образовательной деятельности, от лицензирования, аккредитации до государственного контроля в области образования, включать в себя государственные итоговые аттестационные процедуры, процедуры независимой оценки качества образования, включая качество, проверку качества внутри самой образовательной организации. Международные,

всероссийские, региональные, муниципальные, мониторинговые исследования. Процедуры оценки качества образования, охватывающие все уровни образования, в том числе процедуры самооценки.

В целом эта система пока явно не выстроилась, и мы в рекомендациях слушаний, проект которых подготовлен, рекомендовали бы Правительству Российской Федерации разработать, утвердить федеральную программу национальной системы оценки качества профессионального образования. А также рассмотреть вопросы о создании федерального центра по аккредитации аккредитационных агентств оценки качества их деятельности. Безусловно, необходима интеграция России в международное пространство оценки качества образования через участие в международных исследованиях, которые сейчас проводятся.

Несколько слов о мониторинге качества эффективности вузов. Внутри Государственной Думы назрел некий бунт, и депутаты фракции КПРФ, вдохновляемые, конечно, Олегом Николаевичем Смолиным, первым заместителем председателя комитета, даже хотели инициировать парламентское расследование в связи с тем, как осуществлялся этот мониторинг. На мой взгляд, причин для критики процедуры тогда было достаточно много.

К сожалению, все вузы были поставлены в презумпцию неэффективности, а потом должны были доказываться, что это не так. На самом деле задача могла бы решаться именно с другой стороны.

Здесь, конечно, часть вины должны взять на себя и законодатели, и исполнительная власть. Действительно, почему Центральный банк может отозвать лицензию у банка, который не отвечает определенным стандартам надежности? Почему Рособнадзор реально не может отобрать лицензию у вуза, который не ведет образовательную деятельность?

На самом деле ответ не так-то прост и не так очевиден. Для лишения нужно, помимо прочего, выиграть, как минимум, два судебных процесса, причем, в суде по месту нахождения этого учебного заведения, что тоже является задачей порой нетривиальной, с учетом того, что этот вуз может привлечь и местных экспертов, которые будут свидетельствовать, наоборот, в его пользу.

Все вузы были поставлены в презумпцию неэффективности.

Таким образом, встает вопрос: что с ними делать и является ли путь лишения таких вузов программ аккредитации — путь достаточно долгий и, может быть, не всегда эффективный. И не нужны ли соответствующие изменения в нормативной базе, чтобы очистить систему профессионального образования от не преподающих вузов? И закон, безусловно, должен не защищать псевдо вузы, а оградить от них граждан России.

Вопросов, конечно, очень много. Но именно от ответов на эти вопросы в решающей степени зависит и будущее страны, поскольку оно завязано на качество российского образования.

А.А. КЛИМОВ, заместитель министра образования и науки РФ:

— В связи с вступлением в силу нового закона «Об образовании в Российской Федерации» Министерство образования совместно с федеральными органами исполнительной власти разработало и внесло

в Правительство два проекта постановлений.

Первое, это постановление, которое регулирует вопросы лицензирования образовательной деятельности. Идет окончательное согласование и подготовка к принятию этого документа.

Второй акт — это постановление Правительства, которое посвящено вопросам государственной аккредитации образовательной деятельности.

Как вам хорошо известно, у нас предполагается аккредитация образовательных программ, то есть аккредитация по типу и виду уходит из системы образования. В этом смысле очень важную роль начинают играть в управлении качеством образования федеральные государственные образовательные стандарты.

Мы в настоящее время в стандарты вносим раздел, который назвали «Общесистемные требования». Фактически мы в каждом стандарте прописываем не только условия реализации соответствующих образовательных программ, но и требования к образовательной организации, которые дают возможность, с нашей точки зрения, реализовывать эти программы.

*По негосударственным вузам:
54% — это экономика и управление,
22% — юриспруденция.*

Мы уже на протяжении последних 10 лет пытаемся развивать механизмы профессиональной общественной аккредитации образовательных программ. Есть позитивный опыт как с точки зрения инженерного образования, так и с точки зрения программ гуманитарной направленности.

За предыдущие три года созданы 10 экспертно-методических центров в приоритетных областях. Созданы и планируются к открытию 44 центра оценки и сертификации профессиональных квалификаций. Мы надеемся совместно с Минтрудом решить эту задачу в ближайшие три-четыре года.

Хочу два слова сказать про рейтинги. Есть глобальные рейтинги, и мы соотносим себя, как ведущие университеты, с глобальными рейтингами. При всех дискуссиях относительно того: можно ли их использовать для оценки российского образования? Ну, в общем-то, это международно признанная система оценки и все вузы, вне зависимости от того, это европейские, азиатские, американские, российские, так или иначе пытаются соотносить себя с этими общепризнанными подходами.

У нас в России действуют два национальных рейтинга это эксперты РА и «Интерфакс». Они используют разные критерии, но я сказал бы так, что вуз, который действительно является сильным, он в любой системе рейтингования находится в первых строчках этих

рейтингов. То есть он может быть вторым в одном рейтинге и третьим в другом. Но не бывает ситуаций, когда вуз, который входит в первую десятку одного рейтинга, выпадает из сотни другого рейтинга.

В настоящее время ведется работа по созданию макрорегиональных рейтингов в части исполнения указа Президента Российской Федерации. Это два рейтинга: СНГ и БРИКС. Мы надеемся, что до конца этого года будут опубликованы эти два рейтинга.

Для информации могу сказать, что 103 вуза не приняли участие в мониторинге, из них 100 негосударственных и только три государственных региональных вуза. Это к дисциплине и к соблюдению федерального законодательства.

С.С. КРАВЦОВ, глава Рособнадзора, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки:

— Основные механизмы контроля, которые имеются у Рособнадзора, это, прежде всего, плановые и внеплановые проверки, аккредитация, механизм аккредитации, механизм лицензирования.

На сегодняшний день из 2800 образовательных учреждений у нас вузов 593 — 19%, причем, филиалов государственных вузов 1376 — 44%. Негосударственных вузов 486, это практически столько, сколько государственных и филиалов негосударственных вузов.

Теперь посмотрим на распределение студентов по формам обучения. Здесь очень интересные данные. Это по бакалавриату. Государственные вузы: 62% — очная форма, 35% — заочная. Филиалы государственных вузов: 63% — уже заочная, всего 34% — очная.

Теперь по негосударственным вузам: бакалавриат — 75% — заочная форма обучения, 19% — очная, 6% — вечерняя. Филиалы негосударственных вузов: 90% — заочная форма обучения, лишь 9% — очная и 1% — вечерняя. Цифры говорят сами за себя.

Аналогичная картина и, к сожалению, по магистратуре.

Обратим внимание на структуру подготовки кадров в Российской Федерации. По экономике управления, у нас 33% подготовки по всем программам, по юриспруденции — 11%.

Посмотрим в разрезе образовательных учреждений. Структура подготовки в государственных вузах более-менее равномерная: по экономике управления — 25%, по юриспруденции — 7%.

Структура подготовки кадров филиалов государственных вузов: по экономике — 45%, по юриспруденции — 14%.

Теперь по негосударственным вузам: 54% — это экономика и управление, 22% — юриспруденция.

По филиалам негосударственных вузов: экономика и управление — 51%, юриспруденция — 37%.

В нашей деятельности при проведении процедуры лицензирования и аккредитации мы, конечно, будем ориентироваться на снижение, и все-таки должен быть некий баланс в соответствии с потребностями экономики страны.

В.Е. ШУДЕГОВ, заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по образованию:

— Прежде всего хочу отметить, что те критерии, которые были в прошлом году, не выдерживали никакой критики. То, что еще добавился 6-й пункт по отслеживанию тру-

доустройства выпускников, ничего, кроме головной боли для вузов, не принесло. Ежемесячно нужно подавать отчеты о движении своих выпускников. А кто этим будет заниматься?

Возьму конкретный пример: Воткинский филиал ИЖГТУ готовит специалистов для Воткинского завода, где производятся наши самые знаменитые ракеты «Тополь», «Булава». Представьте себе, что по этим критериям, поскольку там нет иностранных специалистов, мало бюджетных мест, конечно, и средний балл по ЕГЭ не самый высокий, все с более высоким уехали в Ижевск, в столицу Удмуртии, и, конечно, в Москву, и в другие центральные вузы. Он автоматически должен быть закрыт. Страна останется без самого мощного завода, где производятся ракеты.

Рособрнадзор создавался для того, чтобы министерство не само себя проверяло.

Хочу также отметить, что для текущей проверки ситуации в том или ином вузе и мониторинг нужен, а ведь для аккредитации у нас есть Рособрнадзор. Он создавался для того, чтобы министерство не само себя проверяло и не само себе выставляло оценку, как учителя до ЕГЭ, а именно для того, чтобы эта структура контролировала работу нашего министерства, работу наших вузов, вообще говоря, не только ректоры, но и министерство при одном только появлении представителя Рособрнадзора должно было вздрагивать, но, к сожалению, ситуация каждый раз была, наоборот, оно всегда было подчинено министерству.

О.Н. СМОЛИН, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке:

— Хочу внести 11 конкретных предложений, большую часть из них я озвучивал на общественном совете при Минобрнауке, но это пока не помогло.

Первое. Необходимо увеличить число критериев мониторинга. Все критерии несовершенны. Мы обсуждали тему с Виктором Антоновичем Садовничим. Сошлись, не менее 15 для того, чтобы получить более или менее объективный результат.

Второе. Мониторинг нужно проводить по группам вузов. На общественном совете при министерстве все меня поддержали, что, в частности, педагогические вузы нужно выделить в отдельную группу. К сожалению, этого сделано не было.

Третье. Наиболее адекватен критерий трудоустройства из тех, которые применяются, но и он весьма и весьма проблематичен. В депрессивных регионах, как бы замечательно вуз ни работал, его показатели по трудоустройству будут хуже, чем в успешных. Там мы его закроем — еще хуже станет с кадрами.

Четвертое. Средний балл единого госэкзамена выпускников. Если применять, то только по группам. Дело в том, что этот критерий в основном отражает престижность будущей специальности. Мы заранее знали, что средними по эффективности окажутся вузы педагогические, сельскохозяйственные и культуры.

Пятое. Критерии науки должны быть при оценке работы вузов, но не в рублях. Надо использовать пару международных критериев, даже тот самый индекс Хирша.

Шестое. Квадратные метры на студента. Надо либо не применять, либо уменьшить количество метров, либо делать это по группам. И отменить для тех вузов, которые ведут обучение в режиме соответственно электронного обучения.

Седьмое. Количество денег на одного преподавателя. Я бы этот критерий отменил. Этот критерий объективно делит преподавателей на две группы: интеллигенты и добытчики. «Умеешь добывать деньги — тебя оставляем. Ты хорошо читаешь лекции, но деньги в вуз не приносишь, мы тебя увольняем».

Восьмое. Негосударственные вузы. Абсолютно справедливо требовать одинаковых образовательных результатов от вузов независимо от форм собственности. Но ведь реально мониторинг-то, что измеряет? Финансовые результаты. А финансовые результаты одинаковыми быть не могут, потому что одним вузам дают деньги на бюджетных студентов, другим — нет. Одним вузам возвращают налоги на имущество и землю, другим — нет. Одним вузам дают деньги на науку, другим — нет. Это соревнование пешего и конного. Для финансовых результатов нужно, как минимум, понижающие коэффициенты для негосударственных вузов. Это будет справедливо. Образовательные учреждения должны быть одинаковы.

Девятое. Необходимо учитывать социальную миссию вуза. Объективно мониторинг ставит тех, кто учит сирот, инвалидов, детей с Севера, детей в депрессивных регионах заведомо в неравное положение.

Десятое. Нужно ввести один-два критерия о готовности к электронному обучению. Мы не можем проиграть цифровую революцию.

Одиннадцатое. Если мониторинг используется для оргвыводов, то критерии должны коррелировать в большей степени с критериями аккредитации. Иначе получается нонсенс: вуз аккредитованный, то есть дающий нужное качество образования, но неэффективный.

Л.Н. ГЛЕБОВА, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по образованию, науке, культуре и информационной политике:

— Может быть, неразбериха связана с тем, что мы не определились, по поводу какого результата оцениваем

эффективность деятельности вуза. По поводу качества образования — одни инструменты измерения, по поводу реализации социокультурной функции этого образовательного учреждения в регионе — другие инструменты измерения. В предыдущем периоде была точно такая же дискуссия по поводу ЕГЭ. В школе есть ЕГЭ и поэтому ЕГЭ все готово оценивать: и ученика, и учителя, и школу, и даже лучшую школу по всей стране определяет. Время показывает, что такие оценки, такие измерения не могут лежать в основе управленческих решений.

Объединения работодателей в состоянии определить, какие эксперты, в том числе зарубежные, им нужны и нужны ли...

Мне кажется совершенно очевидным сейчас (это видно не только на примере профобразования, но и на примере других уровней образования) вопрос о том, что у нас налицо попытка перенести формализованные оценочные средства по механизмам, так, как они работают в экономическом пространстве на социальную сферу.

Ю.С. ПЕСОЦКИЙ, руководитель Комитета Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» по кадрам и образованию:

— Закон «Об образовании в РФ» дает объединениям работодателей возможность непосредственно участвовать в системе подготовки выпускников через систему профессиональной общественной аккредитации.

«ОПОРА России» этой работой занимается более трех лет, и нами проведена аккредитация более 50 образовательных программ, 20 образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования.

Очень радует, что в проекте решения говорится о повышении мотивации образовательных учреждений к прохождению профессиональной общественной аккредитации в объединениях работодателей. Зачем это нужно образовательным учреждениям, изначально, вроде, ясно, хорошо бы спросить у работодателей, нужны ли такие выпускники, которых мы готовим.

Нам в процессе подготовки Закона «Об образовании» так и не удалось внести единственную поправку, которую мы предлагали, там, где говорится о профессиональной общественной аккредитации. Мы предлагали, чтобы результаты учитывались Рособрнадзором при проведении государственной аккредитации. В проекте решения это слово опять не нашло своего места.

Должен сказать, что при проведении общественной профессиональной аккредитации, мы в «ОПОРЕ» разработали регламент положений и критерии. Эти критерии связаны с проверкой тех компетенций выпускников, которые нужны работодателям — критерии востребованности выпускников на рынке труда. Образовательное учреждение с интересом смотрит на наши критерии. Да, они непривычны,

они не такие, как Рособрнадзор и, наверное, это правильно.

Поэтому некоторые сомнения вызывает в проекте решения то, что Рособрнадзору предполагается разработать критерии оценки, которые потом, наверное, передадут работодателям. Думаю, что мы сами в состоянии эти критерии разработать, они будут у «ОПОРЫ» — одни, у Союза машиностроителей — другие, у кого-то — третьи, но они будут отражать отраслевую специфику.

«ОПОРА» и РСПП, как два крупнейших объединения работодателей, подготовили совместное соглашение, в котором предполагается создать национальную систему проведения профессиональной общественной аккредитации. К этой системе на добровольных условиях могут присоединиться любые объединения с той оговоркой, что если кто-то не захочет входить в это объединение, в национальную систему, но будет, наверное, сам проводить свою аккредитацию, и работодатели отвечать за эту аккредитацию будут своей репутацией.

Рособрнадзору поручается, наверное, разработать вопрос привлечения зарубежных экспертов к проведению экспертизы. Думаю, что объединения работодателей тоже в состоянии самостоятельно определить, какие эксперты, в том числе зарубежные, им нужны и нужны ли...

Г.П. ОКорокова, член Комиссии по развитию образования Общественной палаты РФ, ректор Курского института менеджмента, экономики и бизнеса:

— Мировая тенденция идет в направлении определения пределов государственного контроля в высшем образовании.

По мере нарастания сложности задач, решаемых вузами, наблюдается ослабление модели государство-контролер и усиление модели государство-партнер или наблюдатель. Процедуры аккредитации при этом, как известно, передаются компетентным, профессиональным и независимым организациям. Открытость вуза обществу привлекает бизнес и институты гражданского общества к активному участию в попечительских советах вузов, к формированию учебных планов, научным исследованиям.

Мировая тенденция идет в направлении определения пределов государственного контроля в высшем образовании.

Надо изучить по возможности статью 93 Федерального закона «Об образовании» о переходе с госнадзора в области аккредитации, к общественно-профессиональной процедуре этого направления.

В большинстве стран законодатели различают такие категории образовательных организаций, как государственные, частные и общественные, учредителями которых являются некоммерческие

организации и церковь, то есть сами институты гражданского общества.

В нашем новом законе в статье 22 образовательная организация также рассматривается в зависимости от того, кто является ее учредителем, и в ней записано, что это либо государственная, либо муниципальная, либо частная организация, но нет понятия общественной образовательной организации.

Вот Олег Николаевич Смолин подтвердит, что в системе старейшей просветительской организации общество «Знание России» функционирует свыше 30 высших и средних профессиональных образовательных структур. Есть вузы в России, утвержденные церковью. Ну какие же они частные? Конечно, это типичные общественные образовательные организации, что и необходимо закрепить законодательно.

Мы предлагаем изменить редакцию постановления Правительства и приказа Минобра от 1 августа 2013 года, отказаться от прокрустовы ложа унифицированного мониторинга вузов и перейти к дифференцированному: мониторинг национально-исследовательских университетов, федеральных, госвузов и частных вузов.

А.И. АРШИНОВА, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию:

— Уже неоднократно говорилось о педагогических университетах. У нас все специфические теперь, культура, другие университеты. Но, например, педагогические,

они почему-то не считаются специфическими, хотя, например, воспитателей в детских садах у нас не хватает, в школах у нас квалифицированных кадров не хватает, в университеты преподавателем идти выпускники тоже не хотят. А это, между прочим, наши профильные университеты. И хотелось бы, чтобы профильные университеты какую-то заботу чувствовали, а не критику и пресс.

Кроме того, мы обучаем студентов и выпускаем специалистов не для того, чтобы они нравились Министерству образования. Должна учитываться специфика регионов. Университеты образуют элиту внутрирегиональную и хорошо, чтобы у нас не было депрессивных регионов, чтобы эта элита нигде не сбегала.

Г.Н. МОТОВА, исполнительный директор гильдии экспертов в сфере профессионального образования:

— Необходимо продумать высокие требования к аккредитационным агентствам: к опыту работы, к их репутации, к их признанию, к их инфраструктуре. Иначе мы получим

фабрики по выдаче сертификатов и свидетельств об аккредитации.

Закон носит в целом прогрессивный характер, с точки зрения интеграции российского образова-

тельного пространства в европейское пространство, особенно в рамках Болонского процесса. Но если мы сделали первый шаг — ввели трехуровневую систему подготовки, кредитно-модульную систему, реализацию сетевых программ, то, наверное, следует сделать и второй шаг — попытаться использовать европейские стандарты для систем гарантии качества, которые были приняты конференцией министров в 2005 году. Иначе, сделав первый шаг и не сделав второй, получается, что на вопрос об участии России в Болонском процессе мы отвечаем чисто по-женски: да, нет, может быть.

Ю.Б. РУБИН, ректор Московского финансово-промышленного университета «Синергия», генеральный директор Общественного совета «Гарантии качества высшего образования», член Совета директоров Европейского фонда гарантий качества «E-learning»:

— Новый закон меняет существенно весь ландшафт и всю структуру отношений в сфере образования, ведет к появлению совершенно новых организаций, которые призваны в перспективе играть роль основных действующих сил в сфере оценки качества образования. Я имею в виду экспертные организации. Экспертные организации являются основой вообще оценки качества образования во всем мире и в тех международных организациях, которые вы упоминали.

На вопрос об участии России в Болонском процессе мы отвечаем чисто по-женски: да, нет, может быть.

Экспертная организация — совершенно новый тип участника сферы российского образования, это организация, которая подобна аудиторским организациям в сфере управленческого аудита, в сфере финансового аудита или банковского аудита.

Причем, они могут возникнуть двояко — если не будет фильтров, если не будет требований, не будет реестра, с одной стороны, но и, с другой стороны, если, скажем, такие организации будут назначаться. Я увидел в проекте делегирование полномочий от имени государства выражать определенные государственные позиции, что тоже чревато такой же опасностью, появлением таких же прокладок.

А.Н. ДЕГТЯРЕВ, председатель Комиссии Государственной Думы по вопросам депутатской этики:

— Я лишь два тезиса хотел бы озвучить, которые, на мой взгляд, требуют усиления.

Во-первых, полностью согласен с теми коллегами, кто выступает за стратификацию,

и назову это термином «научная стратификация вузов, проходящих мониторинг».

Экспертная организация — совершенно новый тип участника системы российского образования.

Эта стратификация должна носить очень тонкий характер и учитывать разный статус федеральных национально-исследовательских университетов, специфику университетов, о чем уже много говорится, пишется, и это нужно узаконить документом, определяющим положение о мониторинге, именно стратификацию, и не надо этого стесняться, мы все разные.

Те вузы, которые прошли стресс первого мониторинга, но получили право на дальнейшее развитие, должны попасть в особую категорию, в особую стратегию. Ведь мы, когда помогаем нашему бизнесу, на государственном уровне создаем программу «start up». Что мы делаем? Мы им определяем налоговые каникулы. То есть мы прекрасно понимаем, что для развития вузу в этих условиях стресса, в условиях присоединения к кому-то или присоединения кого-то, формирования новой стратегии развития, конечно же, необходимы определенные каникулы.

Предлагаю ввести понятие территориальных каникул для вузов, оказавшихся в состоянии «start up» в новых условиях. И через определенное время, которое будет определено министерством, посмотреть, на что они выйдут. Конечно, если они за это время не смогут оправдать доверия экспертного сообщества, государства и гражданского общества, тогда уже, что называется, они получат то, что заслужили.

Ю.П. ПОХОЛКОВ, президент Ассоциации инженерного образования России:

— Ассоциация инженерного образования России полтора десятка лет занимается профессионально-общественной аккредитацией образовательных программ. И та работа, которую мы проводим, позво-

ляет нам сделать анализ ситуации.

Думаю, для вас это не новость, что лет через 15 у нас не будет специалистов, у которых в документе будет написано слово «инженер», а будет «бакалавр» и «магистр». И это, наверное, правильно, потому что те квалификации, которые получают сегодня выпускники вузов, — бакалавр и магистр — они не являются профессиональными квалификациями. Они являются просто свидетельством об уровне их образования. А профессиональная квалификация должна определяться органами, которые выдают сертификат о профессиональной квалификации.

Вот три главных элемента системы гарантии качества подготовки и квалификации специалистов: это государственная аккредитация образовательных учреждений, это профессионально-общественная аккредитация в соответствии с тем, как она называ-

ется в законе образовательных программ, и сертификация профессиональных квалификаций.

Аккредитация образовательной программы — это подтверждение того, что ее реализация позволяет выпускнику начать профессиональную деятельность, а сертификация специалиста, что этот человек овладел своей профессией и является профессионалом в своей области.

Эту работу проводят эксперты, у нас сегодня 167 таких экспертов по всей России и 423 кандидата. Мы обучаем этих экспертов, они достаточно квалифицированы в своих сферах деятельности.

Мы имеем договор с Министерством образования еще с 2002 года, имеем договор с Рособрнадзором. Но самое главное, что мы являемся членами международных организаций, таких как Европейская сеть по аккредитации инженерного образования, Вашингтонское соглашение, и в ту и в другую входят порядка 15 стран.

У нас не останется денег на обеспечение качества образования. Мы все будем тратить на оценку этого качества.

Это означает на самом деле соглашения о взаимном признании системы аккредитации образовательной программы. Когда мы проводим аккредитацию образовательных программ, представители стран, входящих в этот альянс, как правило, являются наблюдателями. Поэтому ответственность за качество образовательных программ, которые мы аккредитуем, берем на себя.

Когда-то я уже приводил этот пример. Владимир Дмитриевич Шадриков направил меня в Соединенные Штаты с таким заданием — вступить в Washington Accord. Это было в 2000 году. Стали мы полными членами Washington Accord в 2012 году — 12 лет. Семь лет мы шли к тому, чтобы стать provisional member и пять лет мы шли к тому, чтобы стать полными членами этой ассоциации.

То, что мы пытаемся сейчас создавать, это давно создано в таких странах, как Великобритания, Канада, Япония, Соединенные Штаты — двухступенчатая система гарантий качества. Первая ступень — общественно-профессиональная аккредитация и вторая ступень — сертификация и регистрация профессиональных инженеров.

В.Д. ШАДРИКОВ, академик РАО, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор Института содержания образования:

— Анализ существующей системы аккредитации говорит о том, что она оценивает минимально допустимое ка-

чество образования, которое позволяет признать вуз учреждением высшего образования. А раз мы озабочены тем, чтобы развивать систему образования, — значит, нужны другие процедуры, которые будут способствовать развитию.

В. Н. ИВАНОВА, ректор Московского государственного университета технологий и управления имени Разумовского:

— Очень важно, что в показателях мониторинга сейчас выходим на оценку трудоустройства выпускников. Для реализации этих позиций мы вошли в кадровый технологический альянс предприятий и вузов пищевой промышленности. Для нас эта работа стала одной из важнейших, и взаимодействие с работодателями дает определенный целевой ориентир.

Очень важно, чтобы мы развитие государственно-частного партнерства в направлении профессионально-общественной аккредитации довели до создания саморегулируемых организаций. Есть механизм, используя который можно продвигаться. Это учебно-методические объединения. Была проведена серьезная работа министерством, нашим учредителем, в отношении того, чтобы преобразовать их в некоммерческие партнерства, а, соответственно, при вхождении работодателей в ассоциации тех структур, которые занимаются профессионально-общественной аккредитацией и оценкой качества, создать единую саморегулируемую организацию.

В. А. ЗЕРНОВ, председатель Ассоциации негосударственных вузов, ректор Российского нового университета:

— Когда был первый Госсовет 13-14 лет назад, говорили о необходимости мониторинга. Вот, наконец-то, он пришел.

Несколько предложений в проект решения. Первое. Это взять за основу все-таки критерии мировых рейтингов при оценке вузов. Второе. Тренд развития должен соответствовать мировому, а не противоречить. И, конечно же, различные вузы оценивать по-разному. Нельзя вуз, который получает очень много и который ничего не получает, по одним и те же параметрам оценивать. Стимул к развитию практически исчезает.

О. В. БЕЛОВА, начальник отдела по взаимодействию с работодателями научно-методического центра инженерного образования Московского государственного технического университета им. Баумана:

— Я представляю проект совместной работы союза машиностроителей России и МГТУ имени Баумана по разработке процедуры «профессиональная общественная аккредитация образовательных программ». Целью такой аккредитации, мы считаем, совершенство системы подготовки кадров для машиностроительной отрасли.

Мы разработали процедуру аккредитации, которая включает 11 этапов, но сегодня мне хотелось остановиться на распределении зон ответственности между различными участниками аккредитации. Планирует-

ся, что при Союзе машиностроителей создается свой аккредитационный совет. Состоит он из президиума, аккредитационной комиссии и комиссии по апелляции. При аккредитации образовательной программы создается профессиональная экспертная группа, которая непосредственно общается с образовательной организацией и как сторонняя организация выступает экспертной организацией.

Сейчас вузы являются лишь входной дверью в профессиональную деятельность.

Если говорить об образовательной организации, то основная ее зона ответственности — это подача заявки на аккредитацию, назначение руководителя проекта и самообследование, как один из основных этапов аккредитации.

Что касается аккредитационной комиссии, то орган, который непосредственно проводит процедуру аккредитации и формирует профессиональную общественную группу, экспертная организация. Это организации, которые методически уже подкованы в области и направлении аккредитации. Поэтому они помогают прорабатывать процедуру непосредственной аккредитации в данном учебном заведении, в образовательной организации. И готовят экспертов, готовят менеджеров проектов. Профессиональная общественная группа может формироваться из непосредственно каких-то структур союза машиностроительной России. Привлекаются обязательно эксперты из образовательной области, из каких-то других, может быть, общественных организаций.

Е. Н. ГЕВОРКЯН, академик Российской академии образования, первый проректор Московского городского педагогического университета, член аккредитационной коллегии Рособорнадзора:

— Во-первых, хотела бы поблагодарить всех защитников педагогических вузов. Дей-

ствительно, в прошлом мониторинге нам было непросто, но посмотрим, какие будут результаты на этот раз.

Что касается процедур оценки качества, позволила бы себе не согласиться с моим учителем, которого я глубоко уважаю, Владимиром Дмитриевичем Шадриковым по поводу того, что надо разрабатывать еще какие-то процедуры оценки качества.

Сегодня о чем мы говорим? Лицензирование, аккредитация, контроль, надзор, мониторинг, оценка эффективности, профессионально-общественная аккредитация, общественная аккредитация, ну и так далее. Уже насчитала больше восьми.

Есть предложение: не умножать сущность, а как бы разобраться, кто должен что делать в этих процедурах. Например, процедуры, где нужны только чиновники министерства или службы, или любой другой структуры, — это бы делали только они. Ну, надзор за исполнением законодательства Российской Федерации. Здесь никакие эксперты сторонние не нужны. А там, где нужно оценивать с точки зрения

профессионального сообщества, вот это бы все и отдать профессиональному сообществу.

Единственное, что пугает высшие учебные заведения в этой ситуации, — как бы эти процедуры не стали параллельными. Мы проходим процедуры общественно-профессиональной, профессионально-общественной аккредитации, оцениваем образовательные программы. Следом за этим, неким аккредитационным агентством идет на эту процедуру Рособрнадзор. И спрашивается: сколько это будет стоить образовательному учреждению? У нас не останется денег на обеспечение качества образования. Мы все их будем тратить на оценку этого качества.

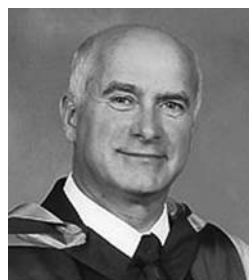
А то, что нужно аккредитовать аккредитаторов, и то, что нужна некая структура для аккредитации аккредитаторов, — это очевидно. И, может быть, это и не Министерство образования и науки, и не Рособрнадзор, а некоторое объединение, которое могло бы определить этих самых аккредитаторов.

Требуются изменения в законодательство (в части лицензирования, например, контроля лицензионных нормативов и изъятия лицензий). Потому что Рособрнадзор не имеет рычагов воздействия на этот процесс. Это первое.

И второе. Представьте себе, мы лишаем образовательное учреждение аккредитации по какой-то образовательной программе, но мы не можем его лишить лицензии по этой образовательной программе.

Ввести запрет на участие в управлении организациями, которые осуществляют общественную аккредитацию, государственных служащих.

Если ты заявился на аккредитацию и не подтвердил качество, значит, у тебя должна быть изъята и лицензия.

С.А. ЩЕННИКОВ, председатель экспертного совета при Комитете по образованию по дополнительному профессиональному и корпоративному образованию, ректор Международного института ЛИНК:

— Понятно, что само слово «ДПО» по-прежнему управляет нашей ментальностью и сегодня, конечно, мы говорим больше о вузах. Но я хотел бы напомнить, что те задачи, которые поставило руководство страны перед образованием, предполагают ежегодную переподготовку примерно 30 млн человек. Сейчас вузы являются лишь входной дверью в профессиональную деятельность. Они создают некоторую основу, но на самом деле реально профессиональной деятельностью человек овладевает в процессе работы и в процессе переподготовки.

Предложение в адрес Рособрнадзора либо тех, кто на это влияет. Навести порядок выдачи лицензий по допобразованию, поскольку старый подход, когда

четко регламентируется эта деятельность набором программ, невозможен. То есть гибкость, оперативность не может реализовываться.

Необходимо разработать механизм контроля за соблюдением принципа независимости общественных аккредитационных органов через контроль наличия конфликта интересов на всех уровнях управления. Тут мы уже пошли просто на радикальное предложение, понимая, что оно не всем понравится, — ввести запрет на участие в управлении организациями, которые осуществляют общественную аккредитацию, государственных служащих для того, чтобы не стимулировать создание некоторых структур, нацеленных на получение денег и базирующихся на административном ресурсе.

В.П. ТИХОМИРОВ, научный руководитель Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ):

— Мы сравниваем наше образование с мировыми рейтингами, хотим везде участвовать и хотим быть знаковыми. Хорошее желание.

Мы должны понимать, что, допустим, европейская цена образования в год — это 20 тысяч евро и 2 тысячи — образование в России. Коллеги, несопоставимо. Дешево хорошо не бывает. За такие деньги невозможно подготовить специалиста.

На прошлой неделе прошел громадный форум в области образования в Брюсселе. Я вам просто процитирую выборки из решений.

Итак, первое. Задача европейской системы образования — массовая адаптация моделей онлайн-образования для решения новых задач масштаба образования и качества европейского высшего образования. Пропускаем через себя без комментария, что делается у нас. Возможно ли это сегодня? Возможно ли это завтра? А если невозможно, то когда?

Вторая позиция. Массовое создание партнерств на основе онлайн-образования. Партнерств, международных партнерств. Это новый этап развития Болонского процесса, но только в электронных конструкциях, в электронных технологиях, с созданием условий, таких как: на базе вузов, входящих в Болонский процесс, и государств, создание центров доступа к европейскому образованию, обучение на европейских мобильных открытых онлайн-курсах, на европейских МУБСах.

Нам говорят: ребята, берите у нас и ничего не делайте сами. Мы это уже проглотили, когда развалили всю свою электронную и радиопромышленность, когда у нас в домах нет ни одного изделия российского производства. А всех инженеров, тех, которые на космос работали, отправили в «челноки».

Следующая позиция. Массовое использование в вузах Европы новых бизнес-моделей через онлайн-систему образования.

Российская классическая система высшего образования сегодня не готова к использованию этих моделей вообще. И не готовится.

Четвертая позиция. Расширение прав и полномочий вузов при массовом использовании высшего

образования, онлайн-образования в Европе. Недостаточно в Европе прав. При их демократизации, когда у них нет ни Рособнадзора... У них нет государственных образовательных стандартов, ничего нет. Прав мало.

Европейская цена образования в год — это 20 тысяч евро и 2 тысячи — образование в России.

Ну и последние две позиции. Принято решение о развитии МУБС европейского уровня в массовом порядке. И скоро мы с вами узнаем, что нам не надо делать никакие учебники, мы их можем брать бесплатно. И мы будем охотно это брать, разрушая собственную профессию.

И последний вопрос. Качество образования не зависит от стен, качество образования не зависит от географии. Качество образования зависит от людей, кто работает в системе образования.

В.А. НИКОНОВ:

— Я думаю, все вызовы электронного образования более или менее ясны для специалистов и вряд ли мы уже так должны посыпать голову пеплом. Европейские-то эти курсы, мы же знаем им цену. Там мало чего хорошего. В принципе, европейское образование оно вообще сильно отстает от американского, я не говорю уж там от корейского, японского и так далее.

В.В. ФРОЛОВ, начальник отдела начального и среднего профессионального образования Комитета по образованию Санкт-Петербурга:

— Считаю, что для мониторинга сейчас есть основание, все, что есть в аккредитации, все можно применить.

Вопрос-то в другом стоит: доверяем мы нашим экспертам или нет, или здесь есть некоторая лукавность, или есть какой-то административный посыл, значит, мы все-таки пропустим, а вот этих мы все-таки ограничим. Вопрос в честности проведения, а не в том, что у нас нет сейчас методов, форм и средств.

Я попробовал провести некий анализ, чем можем гордиться за последние три года, для чего наш отдел осуществлял контроль, для чего аккредитацию. Неожиданно увидел, что основным показателем для меня стал процент реализации образовательной программы. Вот мы сегодня обо всем говорили, но забыли упомянуть о том, что все-таки самое главное, для чего создана образовательная организация, это для реализации образовательной программы.

Вопрос состоит в том, доверяем мы нашим экспертам или нет.

Есть информационный показатель. И ЕГЭ в общем образовании мы брали только как информационный показатель. Мы доверяли своим экспертам, своей системе оценки и контроля качества.

Сейчас, когда перешел и стал начальником отдела профессионального образования, я взглянул на

это с другой точки зрения, с другого аспекта. Мне понадобилась общественно-профессиональная аккредитация. Основная цель — точное определение потребностей промышленности в специалистах. Мне нужно сейчас делать госзадание по более чем по 100 профессиям и специальностям в регионе. Занимаюсь тем, что езжу по ассоциациям, беседую с промышленниками.

Поэтому профессиональный стандарт, как таковой, мне не столько нужен, мне нужно, чтобы четко промышленник представлял, какой кадр он хочет получить. О сроках мы с ним договоримся и о деньгах тоже.

У нас очень много мониторингов, я даже не думал, пока не стал работать в отделе профобразования, что их столько. Но очень часто, а, может, и в большинстве случаев, это не мониторинг в научном понимании, это сплошной сбор сведений каких-то. А мониторинг — это определение самых существенных вопросов, которые нам нужно осветить в части развития образования или в части подготовки кадров, или их качества подготовки.

Хотелось бы видеть в новых положениях, которые касаются аккредитации и лицензирования, большего снятия административных барьеров. С другой стороны, в лицензировании опять вводится экспертиза. Между прочим, мы подсчитали, что у нас это приводит сейчас к повышению количества государственных служащих человека на четыре, на пять. Иначе эти объемы, а у нас почти 3 тысячи поднадзорных организаций, нам не охватить, с учетом еще и межведомственного взаимодействия, которое сейчас активно вводится.

Вы говорите о качестве образования. Если мы не можем отчислить лентяев, и мы не будем этого делать.

За шесть лет, которые я занимаюсь аккредитацией, четвертое положение — это многовато. Наверное, все-таки нам надо подумать, чтобы у нас законы и положения действовали (любые нормативные акты) несколько дольше.

Г.М. ПИВОВАРОВА, доцент кафедры Общественного здоровья и здравоохранения Северо-западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова:

— Считаю необходимым, что все выпускники, которые обучаются на бюджетной основе, должны отработать минимум три года. Почему? Государство затрачивает средства на получение высшего профессионального образования, государство затрачивает на обучение интернатуры, ординатуры, аспирантуры. А что мы получаем? А получаем, что мы не знаем, кто, где трудоустроился.

Ю.И. ДОРОШЕНКО, представитель профсоюзной организации Владимирского государственного университета:

— Очень интересная дискуссия, совершенно разные подходы.

Мы все делаем вид или принимаем ситуацию так, как она есть. Спасибо министерству, что считает деньги, которые уходят не в реальный процесс, о чем говорили, а на различные аккредитации, общественные экспертизы. Как раньше контролировался один учитель за зарплату, теперь миллиарды вкладываем на систему контроля за качеством, а качество падает. Экономическая эффективность какова?

Это не мониторинг в научном понимании, это сплошной сбор сведений.

Коллеги, вот из средних вузов, не ведущих, вы отчисляете бюджетных студентов? Если мы 10 от-

числили, кого-то из нас надо уволить на следующий год. Один к десяти ставка, а вы хотите один к двенадцати. И вы говорите о качестве образования. Если мы не можем отчислить лентяя, и мы не будем этого делать. Мы будем сами себя пилить и оставаться без работы?

Система менеджмента и качества в вузах существует сама по себе, учебный процесс сам по себе, пересекаются, когда идет аудит. Да, система есть. Да, она существует параллельно, и параллельно идет образовательный процесс, который, когда аудит идет, тут и пересекаются.

Уважаемый коллега из медицинского вуза, зарплата 10 тысяч, а вы хотите прикрепить на три года умников, отличников, чтобы они там вымерли с голода совсем, извести.

НОВОСТИ

БОЛЕЕ 100 ВУЗОВ РОССИИ НЕ УЧАСТВУЮТ В МОНИТОРИНГЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Одно из основных нововведений 2013 года — включение в мониторинг негосударственных вузов и филиалов. Более сотни высших учебных заведений России не приняли участие в очередном мониторинге эффективности, сообщил замминистра образования и науки России Александр Климов.

«Не приняли участие в мониторинге 103 вуза, из них сто негосударственных и три государственных», — сказал Климов в ходе парламентских слушаний в Госдуме. Замминистра выразил надежду, что итоги очередного мониторинга будут восприняты профессиональным и экспертным сообществом позитивно.

Минобрнауки впервые провело мониторинг высших ученых заведений осенью 2012 года. В списке был 541 государственный вуз и 994 филиала. По итогам мониторинга были признаны неэффективными и нуждающимися в реорганизации 30 университетов и 262 филиала. Вузы в сентябре 2013 года должны были представить данные о своей деятельности для нового мониторинга.

Одно из основных нововведений 2013 года — включение в мониторинг негосударственных вузов и филиалов на равных основаниях с государственными. Министр образования и науки Дмитрий Ливанов заявил, что вузы, предоставляющие некачественное образование, лишатся аккредитации.

У ВУЗОВ ЕСТЬ ШАНС ИСПРАВИТЬСЯ

Министерство образования и науки РФ представило результаты первого этапа мониторинга эффективности вузов, проведенного в этом году.

Впервые в оценке эффективности вузов приняли участие негосударственные вузы. Согласно полученным данным, Министерство образования и науки РФ выделило часть вузов, имеющих «признаки неэффективности». Сегодня это 18,4% головных вузов и 20,4% филиалов. Доля негосударственных вузов имеющих «признаки неэффективности» составляет более 35%, государственных — 7,5%.

«Образовательные организации, которые попали в этот предварительный список, имеют реальные шансы выйти из него и впоследствии быть признаны эффективными. Для этого есть и реальный инструментарий», — заявил Министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов.

Вместе с тем, около 11% головных вузов не предоставили в Минобрнауки России необходимые сведения. «Именно поэтому мы приняли решение направить в Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки список этих вузов. Кроме того, Министерство обратилось в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с просьбой рассмотреть вопрос о нарушении Федерального законодательства Российской Федерации данными образовательными организациями», — уточнил министр.

Дмитрий Ливанов пояснил, что следующим этапом оценки эффективности образовательных организаций высшего образования станет заседание рабочих групп, которые предложат МВК рассмотреть вопрос о признании соответствующих вузов неэффективными.

В ОТДЕЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РАО

20 ноября состоялось заседание Бюро Отделения профессионального образования РАО.

С сообщением «Методология научной области «информатизация образования» выступила директор ФГНУ «Институт информатизации образования» РАО, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор И.В. Роберт.